

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ БАЛТИКИ: СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Н. В. Каледин¹

А. Б. Елацков²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

² Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
при Президенте РФ,
199178 Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В. О., 57/43

Поступила в редакцию 06.11.2023 г.

Принята к публикации 15.01.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

© Каледин Н. В., Елацков А. Б., 2024

Рассматриваются теоретические основы исследования процессов регионализации и геополитической регионализации. В качестве теоретических объектов предстают системообразующие (регионообразующие) общественно-геоадаптационные и геополитические отношения. Рассматриваются основные разновидности трансграничной и транснациональной геополитической регионализации как проявления специфических геополитических отношений. Они типологизированы по масштабу, функциональной сфере, историко-географическим особенностям, по качеству, по правовому статусу и по геопространственным характеристикам, в том числе применительно к Балтийскому региону. Важным вопросом для исследования какого-либо региона является его выделение и определение пространственных пределов. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о границах Балтийского региона. Авторы обсуждают основные имеющиеся подходы к его решению, отмечая их достоинства и недостатки, особенно применительно к геополитическим исследованиям. В заключительной части статьи рассматриваются исторические геополитические эпохи эволюции Балтийского региона, на протяжении нескольких веков кардинально менявшего свое геополитическое содержание. Особо обращается внимание на современное состояние Балтийской региональной геополитической общности, классифицируемой в качестве одного из конфликтных (конфронтационных) геополитических регионов в «Евразийской дуге нестабильности» как геополитическом макрорегионе.

Ключевые слова:

политическая география, геополитика, геополитический регион, геополитические эпохи, Балтийский регион, границы регионов

Введение

В географических и обществоведческих науках (регионоведении, политологии и др.) понятия «регион» и «регионализация» активно применяются, но имеют разную трактовку. Они стали междисциплинарными, обозначающими особый тип территориально-общественных процессов и их результатов. При этом утвердилось собственные определения этих явлений и производная от них терминология,

Для цитирования: Каледин Н. В., Елацков А. Б. Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 141—158. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

иногда противоречащая ранее принятой. Так, в общественной географии одновременно употребляются «регион, региональный» и «район, районный». Но, на наш взгляд, именно методологический и теоретический потенциал общественной географии позволяет обеспечить единое теоретическое понимание процесса регионализации общества и его результатов — регионов.

Более трех десятилетий постоянный исследовательский интерес как в России, так и за рубежом вызывает Балтийский регион, интегрирующий в себе множество функциональных и исторических «слоев»: геоэкологический, этнокультурологический, социальный, геоэкономический, геостратегический, геополитический. В различных исследованиях проявился ряд дискуссионных вопросов, в частности принципы выделения Балтийского региона и определение его пространственных границ. В данной статье мы отметим основные из них, а также рассмотрим ключевые теоретические аспекты изучения регионализации вообще и геополитической в частности, вопросы содержания и делимитации Балтийского региона, а также ключевые особенности его исторического геополитического развития и современного состояния. Предмет настоящего исследования — геополитическая регионализация в Балтийском регионе, цель исследования — выявление геопространственных особенностей этой регионализации с позиций деятельностно-геопространственного подхода. Соответственно, задачами исследования являются интерпретация названного подхода применительно к процессам регионализации, типологизация на этой основе трансграничных регионов, в том числе применительно к Балтийскому пространству, определение содержания и границ Балтийского региона и историческая периодизация его геополитического развития.

Геополитическая регионализация общества: теоретический аспект

Политико-географические исследования очень разнообразны как по тематике, так и по методологии. Они отражают сложное, многомерное содержание политико-географического и геополитического пространства. В отечественной политической географии сложились несколько теоретических подходов или концепций, пытающихся решить задачу теоретического обобщения обширного эмпирического материала.

Прежде всего это концепция территориально-политической организации общества [1, с. 289—290], которая выросла из конкретизации более общей концепции территориальной организации общества вообще. С этой точки зрения предметом политической географии является процесс территориально-политической организации общества и его результаты — территориально-политические системы де-юре и де-факто, а их элементарной единицей — «политико-географическое место». Эта концепция наиболее популярна и операциональна, поскольку приближает предмет науки к наблюдаемому геопространству (территории), которое интерпретируется через мозаику взаимосвязанных политико-географических мест («место» можно увидеть, «потрогать», изучить).

Существуют и альтернативные точки зрения. В частности, авторы в данной работе будут опираться на концепцию геополитической самоорганизации общества [2] на основе деятельностно-геопространственного подхода. Этот подход интегрирует представления об обществе как самоорганизующейся системе и о геопространстве (земном пространстве — системе природных, антропогенных и гуманитарных подпространств), между которыми в ходе информационного, энергетического и вещественного взаимодействия устанавливаются отношения взаимной адаптации — общественно-геоадаптационные отношения. Геопространство, являясь одним из неотъемлемых «измерений», необходимым условием и средой различных

видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придает им через геоадаптационные отношения геопространственные (географические) формы [3, с. 56—65].

В процессе геопространственной самоорганизации общества и под влиянием совокупности локализованных в определенных частях геопространства конкретно-исторических условий и факторов внутривостранового и международного характера развивается особый процесс взаимоадаптации общества и геопространства, в результате чего формируются специфические системы общественно-геоадаптационных отношений — происходит региональная самоорганизация общества, или «регионализация». Ее содержание составляют устойчивые регионообразующие геоадаптационные отношения, складывающиеся между субъектами-акторами различных видов деятельности (государствами, административными единицами, международными организациями, корпорациями и др.) и формирующие регионы как общественно-геопространственные системы.

В политической географии исследуется частный случай геоадаптационных отношений, а именно — геополитические отношения, складывающиеся между условиями геопространства и политической деятельностью общества или отдельных политических субъектов. Причем в качестве основного элементарного объекта своего исследования такие отношения могут рассматриваться как политической географией, так и геополитикой, выступающей комплексной междисциплинарной областью знания и управления [2; 3, с. 47]. Каждому такому отношению имманентно присущи географическое и политическое отношение. Данный подход позволяет выделить наиболее абстрактное теоретическое основание, благодаря чему имеет преимущество с точки зрения обобщения явлений. В частности, понятие политико-географического места может быть представлено через комплекс геополитических отношений, так же как географическое место образуется географическими отношениями. Вся совокупность геополитических отношений представляет собой геополитическое пространство. Соответственно, устойчивые локализованные отношения такого типа могут служить системообразующими для образования геополитических регионов разного типа.

В теоретическом плане необходимо отметить неоднозначность научно-познавательной ситуации, сложившейся с понятиями «геополитическая регионализация» и «геополитический регион» в рамках как геополитики, так и общественной географии. В недавних исследованиях петербургские географы-обществоведы предложили решать эту проблему с позиций деятельностно-геопространственного подхода [4; 5]. Ими были показаны десять наиболее часто используемых типов регионообразующих связей, признаков (природных, экономических, культурных, политических и др.), по которым зарубежными и российскими авторами выделяются геополитические регионы. Многие из них представляют собой ту или иную интерпретацию взглядов С. Коэна в рамках разных схем его геополитического районирования мира. Неразработанность с позиций геополитики общего теоретического понимания геополитических регионов привела к разнообразию не только трактовок этого явления, но и схем конкретных геополитических регионов (см., напр., [6—12]).

С позиций деятельностно-геопространственного подхода к политической географии как науке о геополитической самоорганизации общества мы исходим из теоретического понимания геополитического региона как разномасштабной региональной геополитической системы, региональной общности субъектов-акторов политической деятельности, включенных в регионообразующие геополитические (геоадаптационные) отношения, различные по форме (геополитические проблемы,

интересы, цели, деятельность), функциональному типу и геопространственному масштабу. Такой подход позволяет провести типологизацию процессов регионализации в целом, геополитической регионализации и геополитических регионов.

Функциональные различия деятельности субъектов и свойств геопространства служат основаниями для типологии регионализации общества посредством выделения различных типов регионообразующих отношений, регионализации и регионов. Особый интерес представляют трансграничные регионы и, соответственно, трансграничные геоадаптационные и геополитические отношения [5]. Интересующий нас Балтийский регион может служить ярким примером-«полигоном» такой типологизации, рассматриваемой нами далее.

По статусу политических субъектов и границ явно выделяются два типа регионов: межгосударственный и внутригосударственный. Второй из них редко бывает геополитическим. Однако в большом трансграничном регионе могут формироваться небольшие внутригосударственные субрегионы, обычно социально-экономического или геокультурного характера. Это, например, депрессивные приграничные районы (так называемый «краевой эффект»). Много подобных исследований проводилось по Северо-Западу России, часто включаемому в Балтийский регион.

По масштабам охваченного регионообразующими отношениями геопространства можно выделить несколько уровней регионализации. Причем есть два способа ранжирования: первый — по физическим (метрическим) размерам территории (макро-, мезо-, микро-), второй — по его политической топологии. Макрорегионы (общественно-географические, цивилизационные, межгосударственные международные организации, санкционные, во внутригосударственном масштабе — федеральные округа и экономические районы в РФ, США и др.), мезорегионы (субрегионы Европы, Азии, административные единицы стран, субъекты РФ и др.), микрорегионы («еврорегионы», ТОРы в РФ, низовые административные единицы государств — графства, коммуны и др.). По политической же топологии трансграничных регионов можно выделить транснациональный масштаб (охватывают две или более страны целиком, причем не важно, какого они размера; сюда можно отнести и Балтийский регион), трансграничный масштаб в узком смысле (охватывает только части соседних стран) и на локальном уровне — территории приграничного взаимодействия (например, режим местного приграничного передвижения, который одно время действовал между Польшей и Калининградской областью) [5; 13].

По функциональной сфере (видам деятельности общественных субъектов) очевидны следующие различия регионов:

1. Монофункциональные (отраслевые): экономико-геопространственные, или геоэкономические, представленные, например, международными региональными организациями — ОЭСР, ЕАЭС, VASAB (Vision and Strategies Around the Baltic Sea) и др.; социально-геопространственные — МОТ, ЮНЕСКО, Совет Европы, научно-образовательная программа «Балтийский университет» и др.; политико-геопространственные или геополитические: НАТО, ОДКБ, духсторонние договоры и др.; геоэкологические — ХЕЛКОМ (Хельсинкская комиссия по защите морской среды Балтийского моря) и др., касающиеся преимущественно водных проблем; духовно-геопространственные: цивилизации, культурно-исторические регионы мира и стран и др.

2. Полифункциональные (комплексные): ЕС, СНГ, СГБМ (Совет государств Балтийского моря) и др.

По правовому статусу и управляемости: регионы де-юре (международные региональные организации, олицетворяющие собой охватываемый регион — ЕС) и де-факто (историко-географические, цивилизационные, физико-географические, фактические экономические и др.) Но на самом деле соотношение понятий более

сложное: юридически может быть декларировано создание структуры, которая в реальности не заработала или была заморожена, как и наоборот. Или же юридически может быть определен историко-культурный регион, но без какого-либо органа управления (см.: [5, с. 67, 71]).

По качеству регионообразующих отношений можно выделить два противоположных типа регионов:

1. Кооперационные (регионы сотрудничества или интеграции — ЕС, ЕАЭС, Балтийский регион до 2014 г.).

2. Конфликтные (или конфликтогенные). Это трансграничные «серые зоны», санкционные, конфронтационные и миротворческие регионы, трансграничный Курдистан и т. д. Здесь, правда, возникает дискуссия, поскольку не все авторы готовы признавать за охваченными конфликтом территориями системность и региональность. Однако зачастую именно конфликтные отношения оказываются системообразующими, пусть и в негативном понимании [3, с. 108; 14]. Вместе с тем в конфликтном регионе могут продолжать существовать кооперационные субрегионы меньшего масштаба, например объединяющие союзников в рамках противостоящих политических блоков. Тогда регион поляризуется, что и происходит с Балтийским регионом сегодня. Это положение не означает смешения двух названных типов, поскольку они реализуются на разных структурных уровнях сложносоставных регионов.

По историко-географическим особенностям и тенденциям выделяются:

1. Интеграционные (воплощают инициативную интеграцию ранее разобщенных территорий — ЕАЭС, МЕРКОСУР, еврорегионы, СГБМ до 2014 г.). Частный случай — интеграция для противопоставления общим конкурентам. Можно говорить и о постинтеграционной регионализации, когда внутри региона складывается другой, еще более связный («Европа двух скоростей»).

2. Дезинтеграционные (они либо сохраняются на развалинах распавшихся политических систем, как раннее Британское содружество, либо идут по пути распада, иногда через ряд вооруженных конфликтов).

3. Постконфликтные (возникают по итогам войн и конфликтов, часто вынужденно. Так, европейская интеграция начиналась как интеграционная, но на «послевоенных руинах»).

Возможные типы регионализации и регионов по геопространственным особенностям могут быть представлены следующими формами:

1. По геопространственной структуре: здесь целесообразно выделять не отдельные типы, а несколько полярных (оппозиционных) шкал, на которых можно разместить тот или иной регион [5, с. 71]. Такая шкала задается двумя противоположными типами (понятиями), но реальные регионы редко принимают предельные значения. Среди таких шкал ряд «моноцентричный — биполярный — полицентричный». Например, Балтийский регион за время существования несколько раз менял свое положение на этой шкале. Другая шкала располагает регион на линии «симметричный — асимметричный». Например, по уровню экономического развития в Балтийском регионе, как и по транспортным потокам, явно лидирует Германия. С геополитической точки зрения весьма интересна шкала «коридоры/секторы — пояса/зоны». С ее помощью описываются, например, районы прохождения транспортных коридоров, энергетических проектов, степени соседства стран и их частей. В Балтийском регионе можно выделить зоны удаленности от моря (об этом см. ниже). Шкала «центр — периферия» является, наверное, самой популярной у исследователей общественно-географических явлений вообще и регионализации в частности. Моделируются, например, пограничные стыки типов «периферия — периферия», «центр — центр» или «центр — периферия». И наконец, упомянем

важную шкалу «сплошные/площадные — дисперсные/сетевые». Это сплошные экономические зоны и зоны тяготения; сетевые трансграничные интернет-сообщества, партийные структуры. В целом надо отметить, что развитие трансграничной регионализации формирует и новые для региона формы пространственного развития: появляются новые коридоры, новые ядра, треугольники роста и т. д. [13].

2. По специфике материальных свойств геопространства: территориальные, субтерриториальные, акваториальные, аэротериальные, космоториальные, интегрально-геопространственные (территориально-акваториальные и др.). Подавляющее большинство трансграничных регионов реализуется на суше. Балтийский же регион стал одним из немногих, которые сложились вокруг центральной акватории.

Балтийский регион: дискуссионные вопросы

Балтийский регион начал складываться как специфическая региональная общность вокруг одноименного моря еще в период Средневековья. Этому способствовали особые физико-географические условия, включая само море, речную сеть его водосборного бассейна, схожий климат, равнинные побережья, особенно в южной части. С физико-географической точки зрения можно говорить и о циркумбалтийском пространстве как субстрате для развития различных форм общественной жизни и самоорганизации. То есть допустимо в принципе говорить о таком пространстве в период до заселения берегов Балтики человеком и до формирования некоей общественной целостности. Хотя первоначально этот термин был предложен в 1980-х гг. Г. С. Лебедевым применительно к культурно-историческим и цивилизационным особенностям средневековья [15, с. 122].

Ряд авторов, в частности представители отечественной скандинавистики, говорят о формировании к VIII в. «Балтийской (морской) цивилизации» [см.: 15, с. 122, 129]. На самом деле это довольно дискуссионный вопрос, особенно исходя из современных представлений о характере локальных цивилизаций. И если подобный вывод в какой-то мере еще применим к связанным морем средневековым местным прибрежным сообществам и городам (отчасти, Ганзейский союз городов с XIV в. и т. п.), то в современном мире территориальный фактор в цивилизационных связях уже не преобладает. Балтийская региональная общность и идентичность, которые, безусловно, сохраняются, находятся в подчиненном положении к более масштабным и значимым феноменам: на побережье Балтийского моря выходят как минимум две локальные цивилизации, по модели С. Хантингтона, при этом здесь доминируют именно политические идентичности: государственная (страновая) и общеевропейская (в контексте ЕС). Кроме того, вряд ли мы можем рассматривать как однопорядковые Балтийскую и современную Западную цивилизации в целом. В таком контексте современная балтийская региональная общность представляется межцивилизационным территориальным феноменом или цивилизацией «второго уровня», субцивилизацией. Но, может быть, авторы-историки и культурологи просто не принимали во внимание теоретико-географический контекст, и речь должна идти как раз о формировании геокультурного, геоэкономического и геополитического региона, а не цивилизации. Регион с точки зрения общественной географии — это не просто некоторое ограниченное пространство, он как раз и представляет собой связную или однородную целостность, которая может быть и трансграничной [5], и, наверное, трансквилизационной. Более того, именно геополитический регион может быть связан в единое целое не только кооперационными, но и конфликтными отношениями, что не раз проявлялось в истории на берегах Балтики.

Балтийский регион со времени своей научной актуализации в начале 1990-х гг. вызывает дискуссии об определении его пространственных границ. Высказывалось

несколько точек зрения на основании различных подходов, и это неудивительно. Чем исследовательская задача ближе к физико-географическому, геоэкологическому подходу, тем более четко мы можем обозначить границы региона по естественно-географическим критериям. Бесспорной точкой отсчета для любого районирования является береговая линия Балтийского моря, которое служит главным регионообразующим фактором. Но и здесь не обходится без дискуссионного момента: где заканчиваются воды и, соответственно, берег моря в районе Датских проливов? «...С позиций определения состава Балтийского региона целесообразно границу Балтийского моря провести между проливами Каттегат и Скагеррак», при этом «иногда в состав Балтийского моря включают даже Скагеррак» [16, с. 8—9]. С геополитической точки зрения Скагеррак как раз логично включать в состав региона. Запирая вместе с соседними проливами вход в Балтийское море, он составляет с ним единую геополитическую целостность. Такое запирающее значение Балтийских и Черноморских проливов для геополитического районирования Евразии отмечал еще Х. Маккиндер в модели «стратегического хартленда». В соответствии с Хельсинкской конвенцией по Балтийскому морю от 1992 г. граница ее действия проходит по параллели $57^{\circ} 44,43'$ с. ш. (ст. 1).

В том же ряду находится обсуждение многими авторами границ водосборного бассейна в качестве границ региона [15—17]. Этот параметр столь же объективен, как и береговая линия, однако его регионообразующая роль невелика, поскольку имеет преимущественно геоэкологическое значение, а сам бассейн мог бы охватывать необитаемые территории. Для геополитики, как и для общественной жизни региона вообще, он стал играть роль лишь в последние десятилетия, и то лишь в вопросах международной координации охраны природной среды. Тем не менее объективность бассейновой границы оказалась удобной для однозначной формализации некоторых региональных программ и проектов. Таким образом, водосборный бассейн, не являясь сам по себе регионообразующим фактором, становится таковым благодаря его вторичной, административной и общественной актуализации. В эти рамки попадают Санкт-Петербург, Псковская, Калининградская, Новгородская области, часть Карелии, небольшие части Архангельской, Мурманской и Тверской областей. В регион целиком входят Литва, Латвия, Эстония, почти вся Польша, большие части Швеции и Финляндии, свыше половины территории Дании и почти половина Белоруссии, северо-восток Германии, небольшие участки Норвегии, Украины, Чехии и Словакии (см. картосхему в [16, с. 10]). Примерно в таких пределах Балтийский регион был выделен в инициированной на волне эйфории 1991 г. университетом Уппсалы (Швеция) программе «Балтийский университет», в которой одно время участвовали вузы из 14 стран [17, с. 17] (сегодня — из 10). Вместе с тем водосборный бассейн любого моря неоднороден, и реально значимую геополитическую роль в нем играют наиболее полноводные реки. До такой степени, что Л. И. Мечников (1888) связывал возникновение первых цивилизаций именно с великими историческими реками (на Ближнем Востоке, в Южной и Восточной Азии) [18].

При этом почти все авторы, размышляющие о границах региона, упускают из виду, что играл непосредственную геополитическую и геоэкономическую роль с древнейших времен не сам водосборный бассейн моря, а его ключевой геополитический компонент — сеть судоходных рек и, позже, каналов. Бассейн внутренних водных путей меньше и разреженнее водосборного и находится почти исключительно на юге региона¹. Например, водосборный бассейн охватывает даже часть

¹ Where to navigate? The network of inland waterways in Europe and its parameters. 1996, UNECE, URL: <https://unece.org/where-navigate-network-inland-waterways-europe-and-its-parameters> (дата обращения: 01.05.2023).

Северной Норвегии, однако из Балтийского моря судоходных путей туда нет. Сеть эта, конечно, менялась со временем: те маловодные реки, которые в древности считались судоходными, сегодня могут пропускать разве что катера, зато по полноводным рекам теперь ходят суда со значительно большей грузоподъемностью, чем сотни лет назад. Значительная часть Финляндии охватывается водосборным бассейном, однако внутреннее судоходство связано с морем лишь через ныне закрытый Сайменский канал, построенный к тому же лишь в середине XIX в. Конечно, современный сухопутный транспорт может с лихвой компенсировать нехватку полноводных речных путей, однако он по своей сути уже не привязан к морскому региону как таковому. С тем же успехом мы могли бы рассматривать транспортную связность, например, региона Центральной Европы.

Вместе с тем несколько судоходных каналов связывают Балтийское море с рекой Эльбой, которая в своем течении проходит по территориям, приближенным к побережью Балтийского моря, и забирает на себя речной грузопоток региона. Но по чисто бассейновому принципу Эльба в Балтийский регион не включается. Для Средневековья, когда каналы отсутствовали, это было существенно. Нынче же через Эльбу и Одер Балтийский регион связан с промышленно развитыми районами Германии.

Морские и речные пути в Средневековье были ключевыми и безальтернативными коммуникационными линиями для дальних расстояний. С тех пор сменились эпохи, изменилась и роль видов транспорта. Морской и речной транспорт, особенно в каботажном варианте, уже не играет столь же важной роли с периода расцвета железных дорог, а позже — автомобильного и авиатранспорта. Современные исследования транспортной связности Балтийского региона уделяют больше внимания именно трем последним, например в рамках программы VASAB¹. Неслучайно возникли и проекты кольцевых автомобильной и железной дорог. Тем не менее в пределах Европейского союза в целом около 40 % грузов по-прежнему перевозятся по морю. Что осталось почти нетронутым со времен Средневековья, так это статус Балтийского моря как свободного для торгового мореплавания, а такой же статус Датских проливов был подтвержден международным договором (1857).

Итак, главная функция Балтийского моря как основы Балтийского региона — возможность связи любого прибрежного государства или города с любым другим прибрежным государством или городом без пересечения транзитных территорий. Неслучайно еще в 1915 г. В. П. Семенов-Тян-Шанский среди пространственных форм геополитических систем выделил «кольцеобразную» (или «средиземноморскую») [19]. На Балтике ее пытались воплотить в жизнь Дания и Швеция, а в современном мире — Европейский союз. Такая структура создает не только экономические преимущества, но и стимулирует психологическое восприятие Балтийского пространства как социальной целостности («мы связаны морем»). Поэтому именно зона наилучшей доступности к морским и речным коммуникациям является системообразующим ядром Балтийского региона.

Эта зона в реальном выражении имеет, конечно, сложную пространственную форму, зависящую от сети дорог, рек, портов. Однако часто для упрощения расчетов в качестве таковой принимается прибрежная полоса шириной 50 или, при меньшей значимости, 200 км [16, с. 12]. Вся такая зона вокруг моря может считаться одним из измерений Балтийского региона. Только не следует считать этот подход

¹ Accessibility of the Baltic Sea Region: Past and future dynamics, 2018, VASAB, URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2019/07/VASAB_Accessibility_Report_2018.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

физико-географическим, как предлагают некоторые авторы. Да, одна сторона такой зоны привязана к берегу, но 50 км взяты условно на основе обобщения интенсивности экономических процессов.

Но чем дальше мы отходим от физико-географической основы, тем более многовариантным становится и определение границ Балтийского региона. В качестве факторов начинают играть роль исторические, экономические, культурные, социологические, политические особенности территорий (пространств). На них накладываются юридические критерии, которые лишь косвенно связаны с этими особенностями. Отдельно стоит и геополитический подход, который, с одной стороны, интегрирует все вышеназванные факторы, а с другой — пропускает их через призму геополитических интересов и проектов.

Самый простой подход — считать, что Балтийский регион составляют страны и части стран, расположенные на побережье Балтийского моря и зависящие от него в своей хозяйственной деятельности [17, с. 16]. Здесь мы при учете любых факторов сразу выходим на политическую карту: в регион включаются либо страны целиком, либо их административные единицы. Это, конечно, эффективно с точки зрения управления и администрирования, однако задает и большую долю условности. Кроме того, не всегда бесспорно включение или невключение тех или иных частей стран или этих стран целиком. Так, в анализе возможностей исторически сложившихся потенциальных геополитических подходов к исследованию современной проблематики Балтийского региона К. Энгелбрект определяет его состав без специального обоснования девятью прибрежными государствами (без Норвегии) [20]. Такой же «прибрежный» вариант состава региона можно увидеть и в публикациях других зарубежных исследователей, но уже с включением Норвегии (см., напр., [21—23]).

Более широкий подход — включать страны и регионы, непосредственно к Балтийскому морю не выходящие, но на которые распространяется международное сотрудничество в рамках развития Балтийского региона. Прежде всего имеются в виду программы VASAB и Interreg. Предыдущий и данный вариант могут рассматриваться соответственно как Балтийский регион в узком и широком смысле (см. картосхему в [16, с.17]). Здесь мы наблюдаем превалирование юридического критерия: формально сообщество стран региона может включить в свои программы любую соседнюю страну, отнеся ее тем самым к Балтийскому региону. Может случиться и парадокс: страна, непосредственно выходящая к Балтийскому морю, выходит из программы сотрудничества и... перестает быть частью приморского региона. «Избирательный» подход к пониманию состава Балтийского региона характерен и для Евросоюза в рамках его Стратегии для Балтийского региона, где в качестве его государств рассматриваются только члены ЕС, а как «желательные партнеры» — Норвегия и Исландия¹.

И наконец, в самом широком смысле мы можем рассматривать не просто Балтийский регион как таковой, а Балтийскую региональную геополитическую систему. Она охватывает не только понимаемый в том или ином смысле сам Балтийский регион, но и геополитические отношения с внешними акторами, имеющими геополитические интересы в регионе и значительно вовлеченными в них [3, с. 84—85]. Также в региональную геополитическую систему включаются отношения с внерегиональными частями крупных стран региона (России, Германии). Оценки здесь оказываются еще более размытыми, однако в качестве индикатора можно использовать, например, участие в региональных международных организациях в качестве наблюдателя. Так, в Совете государств Балтийского моря такой статус имеют или

¹ EU Strategy for the Baltic Sea Region, URL: <https://www.eusbsr.eu/> (дата обращения: 10.09.2023).

имели 11 стран: Белоруссия (до 2022 г.), Великобритания, Венгрия, Испания, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, США, Украина, Франция (подала заявку на полноправное членство), а также Исландия как полноправный участник.

С геополитической точки зрения все описанные варианты выделения Балтийского региона не исключают друг друга. Каждый из них всего лишь акцентирует внимание на том или ином типе геополитических отношений, выделяя его в сложной многомерной структуре геополитического пространства. Обобщая названные подходы, можно говорить не о разных вариантах делимитации региона, а о его нескольких геополитических контурах в качестве принципов районирования (рис.).

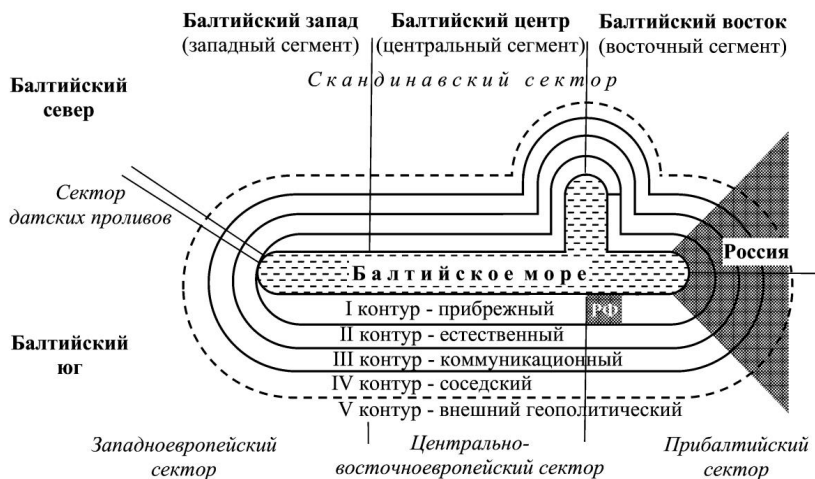

Рис. Идеализированная модель Балтийского региона

I. Приморский или прибрежный контур. Включает 50- и 200-километровые прибрежные зоны, части стран или целые небольшие страны, выходящие к морю, а также территориальные воды и исключительные экономические зоны.

II. Естественно-географический контур. Обычно включает само море, его водосборный бассейн, но могут быть использованы и другие параметры, например влияние моря на местный климат или особенности рельефа.

III. Коммуникационный контур. Включает прежде всего внутренние водные пути и сеть морских и речных портов, причем допустимо в него включать реки, относящиеся к бассейну соседнего моря, но обслуживающие приморский контур и связанные с данным морем судоходными каналами. Важны и наиболее загруженные морские пути. В современных условиях здесь же рассматриваются и другие формы коммуникаций: автомобильные, железнодорожные и авиационные, если они носят именно региональный характер, поэтому проявляется особый интерес к кольцевым дорогам и путям вдоль побережий. Здесь же следует рассматривать пояс реального экономического влияния приморского положения в отличие от выделения полосы неизменной ширины в контуре I.

IV. Соседский контур. Включает части стран или страны целиком, которые не имеют выхода к морю, но либо соседствуют с прибрежными странами, либо их территорию частично захватывают II и III контуры.

V. Геополитический контур или региональная геополитическая система с максимально широкими регионообразующими геополитическими отношениями. Обширный регион, включающий все вышеназванные контуры, а также отношения с внерегиональными игроками, реализующими в регионе свои интересы.

Историческая динамика Балтийской региональной геополитической системы

О специфике геополитической регионализации в пределах системы в разное историческое время логичнее говорить с позиций представлений об исторической динамике глобальной геополитической системы, неотъемлемой региональной составляющей которой является балтийская региональная общность. Опираясь при этом следует на знание специфики исторических типов геополитических отношений (геополитических процессов и их результатов) в крупные историко-геополитические периоды развития этой системы. Для оценки современной ситуации особенно актуальны понимание специфики этих геополитических отношений в капиталистический и современный периоды (в исторической терминологии — в Новое и Новейшее время), особенно в их конкретно-исторические геополитические эпохи, различавшиеся по типу и соотношению геополитических процессов, роли их акторов и складывавшейся региональной геополитической структуре.

В Вестфальскую эпоху (1648—1815) по итогам Тридцатилетней войны и реализации Вестфальского договора активизируется геополитический тренд суверенизации государств на основе религиозно- и этногеополитических процессов, формируются четыре геополитических субрегиона центр-периферического типа, геополитическими полюсами которых были Швеция, Польша, Пруссия и Россия (Московское государство и Российская империя). Вестфальская эпоха, как и другие, имела внутреннюю структуру. Конечно, нами будут названы лишь общеевропейские геополитические эпохи в рамках соответствующих систем международных отношений. Для региона Балтики внутри них можно выделить по несколько этапов, которые будут отличаться от этапов геополитического развития в других регионах Европы. В частности, выделяется этап расширения участия России в Балтийской геополитической системе (начало XVIII в.) и финальный переходный этап геополитической нестабильности — период Наполеоновских войн.

В Венскую эпоху (1815—1914) по итогам Наполеоновских войн и решений Венского конгресса под воздействием имперско-государственно-геополитических и этногеополитических процессов постепенно оформляются два геополитических субрегиона, полюсами которых были Пруссия (с 1871 г. — Германия) и Россия.

В Версальскую эпоху (1920-е — 1930-е гг.) по итогам Первой мировой войны и Версальской системы мирных договоров в ходе формационно-, государственно- и этногеополитических процессов формируется биполярная балтийская региональная структура с двумя геополитическими субрегионами формационного типа — западным (капиталистическим) и восточным (социалистическим), геополитическим полюсом первого была Германия, а второй был представлен СССР.

В Потсдамскую эпоху (1945 г. — начало 1990-х гг.) по итогам Второй мировой войны и решений Потсдамской конференции в Европе доминирует тренд формационно-геополитических процессов в форме конфронтации капиталистической и социалистической систем и складывается биполярная структура с двумя центропериферическими конфронтационными геополитическими субрегионами формационного типа — западно-балтийским (капиталистическим) и восточно-балтийским (социалистическим). Их геополитическими полюсами-интеграторами в Балтийском пространстве были ФРГ (при поддержке западных союзников) и СССР. Происходит военно-политический (НАТО — ОВД) и геоэкономический (ЕС — СЭВ) раскол Балтийского пространства. Для СССР в этот период Балтийский регион играл существенную геоэкономическую роль. Доля всех стран региона в его внешней торговле составляла 29%. Правда, основная часть приходилась на Польшу и ГДР, хотя большое значение имели также ФРГ и Финляндия [17, с. 19].

Беловежская эпоха (с конца 1980-х — начала 1990-х гг. до настоящего времени) характеризуется геополитическим трендом фрагментации пространства Балтийского региона на геополитические региональные общности различного типа (государственные, межгосударственные, этнические и др.) и масштаба. Первоначально доминировали формационно-геополитические и этно-геополитические процессы в форме распада социалистической системы и ее структур в Европе, распада СССР и образования в Балтийском пространстве этноцентричных постсоциалистических государств, переживающих «разноскоростной» процесс «вестернизации» (реформирования на основе западных политических, экономических и гуманитарных технологий). Впервые, несмотря на сохраняющуюся разную геополитическую ориентацию государств ранее сложившихся субрегионов, активно развиваются интеграционные процессы в экономической, социальной и гуманитарной сферах, формирующие разномасштабные региональные общности нового типа — «регионы трансграничного сотрудничества» («еврорегионы», регионы программы Interreg, Совет государств Балтийского моря, Хельсинкская комиссия, VASAB и др.). Результатом такого развития в течение полутора десятилетий стало появление самого успешного в Европе кооперационного «Балтийского региона сотрудничества», опыт которого активно изучался и пропагандировался как модель для трансграничного сотрудничества в других приграничных регионах (см., напр., [21; 24—29]). Тем не менее относительное значение региона для России постепенно снижалось за счет развития других направлений торговли. Так, к 2014 г. его доля во внешнеторговом обороте снизилась до 18,5 %, из которых 8,9 % приходилось на ФПГ [17, с. 19]. Можно сказать, что с точки зрения России в регионе сформировался трансбалтийский геоэкономический коридор «Россия — Германия», наглядным выражением которого стал запуск газопровода «Северный поток» (2012). Но в то же время регион все меньше упоминался в каждой новой редакции Концепции внешней политики России.

С позиций сложившейся на этой геоэкономической основе стабильности геополитических отношений, обеспечивавшей успешность региона, можно было констатировать появление в Европе новой региональной кооперационной геополитической общности де-факто — Балтийского геополитического региона, контрастного своими устойчивыми геополитическими отношениями сотрудничества на обширном пространстве «Евразийской дуги нестабильности» с цепью разнотипных конфликтных регионов на постсоветском пространстве [14].

Однако процесс конфликтогенной экспансии НАТО с конца 1990-х гг., а позже как ее результат геополитический раскол Украины в 2014 г., сопровождавшийся интеграцией в состав России Крыма, а с 2022 г. специальной военной операцией, привели к негативным геополитическим и геоэкономическим последствиям для развития как региона, так и всей коллективной Европы. Первоначально (в 2014—2021 гг.) это были ограничения и сокращение взаимовыгодного трансграничного взаимодействия в результате мер «санкционной геополитики» стран Запада и ответных мер России и Белоруссии, а с 2022 г. — его полное прекращение с ликвидацией ранее сложившихся форм сотрудничества, обеспечивавших региональную общность. К этому добавились новые «коллективные» инструменты раскола Балтийского региона антироссийской и антибелорусской направленности: демонстративный выход России из СГБМ, поскольку участники организации перестали быть равноправными¹; «Крымская платформа»; «недружественные государства»; расширение НАТО на Балтике в 2023 г.; «формат “Рамштайн”» (международная

¹ Россия решила выйти из Совета государств Балтийского моря, 17 мая 2022. ТАСС, URL: <https://tass.ru/politika/14647127> (дата обращения: 11.05.2023).

коалиция более 50 государств по оказанию военной помощи киевскому режиму) и др. В этот же ряд можно поставить уничтожение с молчаливого согласия Германии обоих «Северных потоков». На Балтийский регион со стороны коллективного Запада опустился новый «железный занавес», более жесткий, чем в Версальскую и Потсдамскую эпохи. Политическое значение Балтийского региона для России резко упало, чему способствует и ее ускорившийся «поворот на Восток». В принятой в 2023 г. новой Концепции внешней политики России Балтийский регион впервые не упоминается вовсе, зато больше внимания уделено Латинской Америке и Африке.

Закономерным результатом этих дезинтеграционных региональных и поддерживающих их глобальных геополитических процессов на пространстве формировавшегося кооперационного Балтийского геополитического региона стала новая региональная геополитическая общность, но теперь на основе конфронтационных геополитических отношений и с двумя противоположными геополитическими и геоэкономическими векторами развития — балтийско-евроатлантическим (прибалтийские страны — члены ЕС и НАТО, Украина; причем основным политическим координатором здесь выступает внерегиональный актор — США [30]) и балтийско-евразийским (прибалтийская Россия и Белоруссия, интегрированные в СНГ, Союзное государство, ОДКБ, ЕАЭС).

Каково же место этой новой, трансформирующейся балтийской региональной геополитической общности в евразийской геополитической реальности в условиях крушения доминировавших ранее этно-, государственно- и интеграционно-геополитических процессов, систем и утверждения многополярной глобальной геополитической системы с приоритетом цивилизационно-геополитических процессов?

Попробуем ответить на этот вопрос в контексте иерархии современных конфликтных геополитических региональных общностей в Евразии. Если рассматривать «Евразийскую дугу нестабильности» (протянувшуюся от Атлантики до Тихого океана, в том числе по периметру постсоветского пространства, и имеющую неоднозначную интерпретацию) как многоочаговый геополитический макрорегион¹ конфликтных геополитических отношений, то внутри него можно выделить две крупные геополитические подсистемы де-факто — цивилизационно-геополитические регионы: «Евроатлантический» (пространство НАТО, ЕС, других евроструктур западной цивилизации) и «Евразийский» (Россия и интегрированные с ней государства «незападных» цивилизаций постсоветского пространства), а внутри них — ряд конфликтных геополитических регионов с разнотипными конфликтными отношениями между двумя и более акторами-государствами (их союзами и другими структурами) [14]. С этих позиций балтийские и некоторые сопредельные с ними (Белоруссия, Украина) страны, расположенные на стыке, в балтийской контактной зоне Евроатлантического и Евразийского регионов можно рассматривать как конфронтационный Балтийский геополитический регион де-факто биполярного типа со сложной, мозаичной геополитической структурой конфликтных отношений (своеобразных «геополитических разломов») как между составляющими его государствами, так и между каждым из них и международными организациями. Это позволяет выделить в Балтийском геополитическом регионе в соответствии с обозначенными геополитическими векторами развития его участников два субрегиона: балтийско-евроатлантический и балтийско-евразийский, связанных между собой конфронтационными геополитическими отношениями.

¹ Иногда в отечественной географической литературе специфицированные многоочаговые пространства именуют зонами. Однако они ближе к однородным районам, чем к зонам, которые обычно подразумевают общий количественный признак (зона удаленности и т. д.). Так, многоочаговый макрорегион «Латинская Америка» вряд ли можно назвать зоной.

Выводы

Таким образом, нами рассмотрено несколько связанных вопросов, важных для понимания содержательных и географических характеристик Балтийского региона. Для этого был использован деятельностно-геопространственный подход к исследованию геополитических процессов и систем в политической географии и геополитике. На этой базе предложена типология трансграничных и транснациональных регионов, примененная к исследованию Балтийского региона. На современном этапе наиболее актуальна типология по признаку качества регионообразующих отношений или их комплиментарности (регионы сотрудничества или конфликта).

Далее рассмотрено циркумбалтийское пространство с точки зрения определения границ Балтийского региона. Сделан вывод, что с геополитической точки зрения разные версии его делимитации не противоречат друг другу, а представляют лишь разные грани единой региональной геополитической системы. На этом основании предложено рассматривать в единстве четыре «геополитических контура», определяемых с помощью разных методологических принципов.

Показана специфика геополитической регионализации в пределах Балтийской региональной геополитической системы в разное историческое время, отражающая динамику глобальной геополитической системы и рассмотренная на уровне пяти ее геополитических эпох и геополитических процессов двух последних десятилетий. В частности, показана историческая трансформация геополитических процессов, систем и структур в Балтийском регионе от этно- и религиозно-геополитических в Вестфальскую эпоху к имперско-геополитическим — в Венскую и к формационно-геополитическим — в Версальскую и Потсдамскую эпохи с устойчивой в XVIII—XX вв. биполярной структурой региона и двумя центропериферическими геополитическими субрегионами, полюсами которых были Пруссия (Германия) и Россия (СССР).

В Беловежскую эпоху доминирование формационно-геополитических и этногеополитических процессов (в форме распада социалистической системы и ее структур, распада СССР, образования этноцентричных постсоциалистических государств, процесса их вестернизации) впервые приводит благодаря интеграционным процессам к формированию новой региональной кооперационной геополитической общности де-факто — Балтийского геополитического региона — с устойчивыми геополитическими отношениями сотрудничества. Однако с 2014 г. нарастание конфронтационных цивилизационно-геополитических процессов между странами региона привело к появлению нового «железного занавеса» и современной биполярной геополитической общности — конфронтационного Балтийского геополитического региона де-факто с разными геополитическими векторами развития его участников, разделивших регион на два геополитических субрегиона — «балтийско-евроатлантический» и «балтийско-евразийский».

Список литературы

1. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С. 2001, Геополитика и политическая география, М., Аспект-Пресс. EDN: QQJUUN
2. Каледин, Н. В. 1996, Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции, СПб., Изд-во СПбГУ. EDN: TUYZXN
3. Елацков, А. Б. 2017, Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации, М., ИНФА-М. EDN: XVFNFNH
4. Каледин, Н. В., Каледин, В. Н., Гресь, Р. А. 2018, Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества, В кн.: Быков, Н. И. (ред.), Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии, Барнаул, Алтайский государственный университет, с. 152—157. EDN: XWSPOX
5. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2020, Трансграничная регионализация: геополитический аспект, *Региональные исследования*, № 1, с. 65—75. EDN: FLWYUV

6. Cohen, S. B. 1973, *Geography and Politics in a World Divided*, N. Y., Oxford University Press.
7. Cohen, S. B. 2003, *Geopolitics of the world system*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
8. Diehl, P. F. 1999, *A road map to war: territorial dimensions of international conflict*, Nashville, L., Vanderbilt University Press.
9. Fisher, C. A. 1968, *Essays in Political Geography*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315748276>
10. Oakleaf, J. R., Kennedy, C. M., Baruch-Mordo, S. et al. 2015, A world at risk: aggregating development trends to forecast global habitat conversion, *PLOS ONE*, vol. 10, № 10, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138334>
11. Рябцев, В. Н. 2018, Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа), Ростов-на-Дону, Фонд науки и образования. EDN: ORWMRE
12. Ballesteros, M. A. 2015, Método para el Análisis de Regiones Geopolíticas (MARG), *Revista del Instituto Español de Análisis Estratégicos (IEEE)*, № 6, p. 1—47.
13. Корнеевец, В. С. 2010, Международная регионализация на Балтике, СПб., Изд-во СПбГУ. EDN: QUKLVV
14. Каледин, Н. В. 2021, Конфликтогенные регионы постсоветского пространства: опыт политико-географической типологии, В кн.: Дружинин, А. Г., Сидоров, В. П. (ред.), *Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз*, Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, с. 94—100. EDN: VMSXMS
15. Монастырская, М. Е. 2023, «Циркумбалтийское пространство»: исторические предпосылки и теоретико-методологические основы делимитации, *Градостроительство и архитектура*, т. 13, № 1, с. 121—134, <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2023.01.16>.
16. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
17. Межевич, Н. М., Кретинин, Г. В., Федоров, Г. М. 2016, К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона, *Балтийский регион*, т. 8, № 3, с. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-1>.
18. Мечников, Л. И. 2008, Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития), *Среднерусский вестник общественных наук*, № 2 (7), с. 122—124. EDN: MSMVLF
19. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. 1915, О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии, *Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва*, вып. 8, <https://elibrigo.ru/handle/123456789/219184>
20. Engelbrekt, K. 2018, A brief intellectual history of geopolitical thought and its relevance to the Baltic Sea region, *Global Affairs*, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535256>
21. Koch, K. 2015, Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement, *Geopolitics*, vol. 20, № 3, p. 535—558, <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1026964>
22. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
23. Haldén, P. 2018, Geopolitics in the changing geography of the Baltic Sea Region: the challenges of climate change, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 537—549, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1502621>
24. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2010, Трансграничная регионализация в условиях глобализации, *Балтийский регион*, № 4, с. 103—114, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2010-4-10>
25. Федоров, Г. М. 2016, Возможные направления развития трансграничных связей субъектов Российской Федерации и стран Европейского Союза на Балтике, В кн.: Клемешев, А. П., Межевич, Н. М., Федоров, Г. М. (ред.), *Прибалтийские исследования в России*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016, с. 82—84, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.150262184>, EDN: XAPLOL
26. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2013, *Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 252 с. EDN: SWPSQZ

27. Осмоловская, Л. Г. 2016, Механизм формирования трансграничных регионов с участием субъектов Российской Федерации и стран-членов Европейского союза, В кн.: Клемешев, А. П., Межевич, Н. М., Федоров, Г. М. (ред.), Прибалтийские исследования в России, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 68—72. EDN: XAPLLJ

28. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the exclave position and ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>

29. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>

30. Смирнов, П. Е. 2020, Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

Об авторах

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Алексей Борисович Елацков, кандидат географических наук, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: elatskov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6942-4950>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

GEOPOLITICAL REGIONALISATION OF THE BALTIC AREA: THE ESSENCE AND HISTORICAL DYNAMICS

N. V. Kaledin¹

A. B. Elatskov²

¹ Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russia

² North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Prospekt, Vasilyevksy Island,
St. Petersburg, 199178, Russia

Received 06 November 2023

Accepted 15 January 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

© Kaledin, N. V., Elatskov, A. V., 2024

The article discusses a theoretical framework for investigating regionalisation and geopolitical regionalisation, employing the activity-geospatial approach. The main theoretical foci of this study are system-forming, or region-building, socio-geo-adaptation and geopolitical

To cite this article: Kaledin, N. V., Elatskov, A. V. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic region*, vol. 16, № 1, p. 141—158. doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-8

relations. The article examines various types of transboundary and transnational geopolitical regionalisation as manifestos of geopolitical relations. These types are categorised based on scale, functional area, historical and geographical characteristics, quality, legal status and geospatial features, placing particular emphasis on the Baltic region. An essential aspect of studying a region involves identifying and defining its spatial boundaries. Since determining the exact limits of the Baltic region remains problematic, this article examines various approaches to address this issue, highlighting their strengths and weaknesses, particularly in the context of geopolitical analysis. The concluding part of the article explores several centuries of the evolution of the Baltic Sea region, divided into historical geopolitical stages. It is highlighted that the geopolitical essence of the Baltic region was changing radically over time. Particular attention is paid to the current state of the Baltic regional geopolitical entity, which is classified as a conflict-ridden or confrontational geopolitical region in the 'Eurasian arc of instability' interpreted as a geopolitical macroregion.

Keywords:

political geography, geopolitics, geopolitical region, geopolitical epochs, Baltic region, regional boundaries

References

1. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S. 2001, Geopolitics and political geography, M., Aspect-Press. EDN: QQJUUN (in Russ.).
2. Kaledin, N. V. 1996, Political geography: origins, problems, principles of scientific conception, SPb., SPbSU Publ. EDN: TUYZXN (in Russ.).
3. Elatskov, A. B. 2017, General geopolitics: theoretical and methodological issues in geographical interpretation. M., INFRA-M. EDN: XVFNFH (in Russ.).
4. Kaledin, N. V., Kaledin, V.N., Gres, V.A. 2018, Geopolitical region and geopolitical regionalization of society, In: Bykov, N.I. (ed.), Modern trends in spatial development and priorities of social geography, Barnaul, Altai State University, p. 152—157. EDN: XWSPOX (in Russ.).
5. Kaledin, N. V., Elatskov, A. B. 2020, Geopolitical region and geopolitical regionalization of society, Regional Studies, № 1, p. 65—75. EDN: FLWYUV (in Russ.).
6. Cohen, S. B. 1973, Geography and Politics in a World Divided, N. Y., Oxford University Press.
7. Cohen, S. B. 2003, Geopolitics of the world system, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
8. Diehl, P.F. 1999, A road map to war: territorial dimensions of international conflict, Nashville, L., Vanderbilt University Press.
9. Fisher, C.A. 1968, Essays in Political Geography, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315748276>
10. Oakleaf, J. R., Kennedy, C. M., Baruch-Mordo, S. et al. 2015, A world at risk: aggregating development trends to forecast global habitat conversion, *PLOS ONE*, vol. 10, № 10, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138334>
11. Ryabtsev, V.N. 2018, Geopolitical space of the modern world in the regional dimension (experience of morphological analysis), Rostov-na-Donu. EDN: ORWMRE (in Russ.).
12. Ballesteros, M. A. 2015, Método para el Análisis de Regiones Geopolíticas (MARG), *Revista del Instituto Español de Análisis Estratégicos (IEEE)*, № 6, p. 1—47.
13. Korneevets, V.S. 2010, International regionalization in the Baltic, St. Petersburg. EDN: QUKLVV (in Russ.).
14. Kaledin, N. V. 2021, Conflict-prone regions of the post-soviet space: the experience of political-geographical typology, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V.P. (eds.), The Present and Future of Russia in a Changing World: SocioGeographical Analysis and Forecast, Izhevsk, Publishing Center "Udmurt University", p. 94—100. EDN: VMSXMS (in Russ.).
15. Monastyrskaya, M. Y. 2023, "Circumbaltian space": methodological priorities and regulatory grounds for delimitation, *Urban construction and architecture*, vol. 13, № 1, p. 121—134, <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2023.01.16> (in Russ.).
16. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Baltic region*, vol. 9, № 4, p. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>

17. Mezhevich, N. M., Kretinin, G. V., Fedorov, G. M. 2016, Economic and geographical structure of the Baltic sea region, *Baltic region*, vol. 8, № 3, p. 15—29, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-1>
18. Mechnikov, L. I. 2008, Civilization and great historical rivers (the geographical theory of progress and social development), *Central Russian Journal of Social Sciences*, № 2 (7), p. 122—124. EDN: MSMVLF (in Russ.).
19. Semyonov-Tyan-Shanskij, V. P. 1915, About powerful territorial possession in relation to Russia. An essay on political geography, *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, LI (VIII), p. 425—457, <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219184> (in Russ.).
20. Engelbrekt, K. 2018, A brief intellectual history of geopolitical thought and its relevance to the Baltic Sea region, *Global Affairs*, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535256>
21. Koch, K. 2015, Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement, *Geopolitics*, vol. 20, № 3, p. 535—558, <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1026964>
22. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
23. Haldén, P. 2018, Geopolitics in the changing geography of the Baltic Sea Region: the challenges of climate change, *Global Affairs*, vol. 4, № 4-5, p. 537—549, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1502621>
24. Fedorov, G. M., Korneevets, B. C. 2010, Transborder regionalisation in the conditions of globalization, *Baltic region*, № 4, p. 103—114, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2010-4-10>
25. Fedorov, G. M. 2016, Vozmozhnye napravleniya razvitiya transgranichnykh svyazey subjektov Rossijskoj Federacii i stran Evropejskogo Sojuza na Baltike, In.: Klemeshev, A. P., Mezhevich, N. M., Fedorov, G. M. (eds.), *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*, p. 82—84. EDN: XAPLOL (in Russ.).
26. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody : monografiya [Russia in the Baltic: 1990—2012: monograph], Kaliningrad, 252 p. EDN: SWPSQZ (in Russ.).
27. Osmolovskaya, L. G. 2016, Mehanizm formirovaniya transgranichnykh regionov s uchastiem subjektov Rossijskoj Federacii i stran-chlenov Evropejskogo sojuza, In.: Klemeshev, A. P., Mezhevich, N. M., Fedorov, G. M. (eds.), *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*, Kaliningrad, p. 68—72. EDN: XAPLLJ (in Russ.).
28. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the exclave position and ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>
29. Sebentsov, A. B. 2020, Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 74—83, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>
30. Smirnov, P. E. 2020, The evolution of US political priorities in the Baltic sea region in the 2010s, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>

The authors

Dr Nikolai V. Kaledin, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1436-7527>

Dr Aleksei B. Elatskov, The North-West Institute of management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: elatskov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6942-4950>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставейные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.